

К Р О К О Д И Л

3-129/43

БЛИЗИТСЯ ЧАС!

Рис. Ю. Ганфа

Будет праздник!

Идёт война, и мы сегодня
Разлучены, мой друг, с тобой.
Но в этот вечер новогодний
Ты, как всегда, на стол накрой.
И на моём обычном месте
Поставь ты чарочку мою,
Как будто я с тобою вместе,
И за твоё здоровье пью.

Верь, настанет светлый час —
Всё придёт и сбудется.
Будет праздник и у нас
И на нашей улице!

* * *

Вчера у нас земля гудела,
Сейчас покуда тишина,
Стоят деревья в дымке белой
И светит ясная луна.

И вспомнил я такой же вечер,
И вспомнил лыжи, лес и снег,
И радость нашей первой встречи,
И твой весёлый, звонкий смех.

Верь, настанет светлый час —
Всё придёт и сбудется.
Будет праздник и у нас
И на нашей улице!

* * *

В огне войны мы оценили
Покой и радость мирных дней
И то, как счастливы мы были
Среди любимых и друзей.
За это счастье и свободу,
За всё, что мы зовём родным,
Идём мы в бой, в огонь и в воду
И знаем мы, что победим!

Верь, настанет светлый час —
Всё придёт и сбудется,
Будет праздник и у нас
И на нашей улице!

* * *

Пускай порой тебе взгрустнется —
Ты головы не опускай!
Минует ночь, и день вернётся,
Зима уйдёт, и будет май.
Меня в разлуке вспоминая,
Ты вспомни песенку мою.
И тихо спой её, родная,
Как я тебе сейчас пою:

Верь, настанет светлый час —
Всё придёт и сбудется,
Будет праздник и у нас
И на нашей улице!

Вас. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ

Рис. К. Елисеева

С отступающим!

Из зала суда

(Бытовая сцена 1943 года)

— Подсудимый Август Пипке?
 — Я, господин судья.
 — Чем вы занимаетесь?
 — Я был колбасником, господин судья. Я мирный, честный немец. Не знаю, за что меня арестовали. Я за всю мою жизнь мухи не тронул.
 — Мухи на вас не в обиде. Вы участвовали в войне?
 — Нет, господин судья. Я не принимал никакого участия в этой проклятой войне. Я в душе был против войны и против Гитлера.
 — Почему вы были против Гитлера?
 — Я честный, добрый немец, господин судья. Я никому не хотел зла. Гитлер принёс страшное бедствие нашему народу. Но что я мог сделать?
 — Вы обвиняетесь в том, что принимали участие в грабеже, разбое, в подстрекательстве к убийствам.
 — Что вы говорите, господин судья? Это — чистейшее недоразумение. Во всё время войны я не выезжал из моего городка, жил тихо и мирно. Встречался только с соседями, такими же добрыми немцами.
 — Признаёте вы себя виновным, Август Пипке?
 — Господин судья, спросите всех людей в моём городке. Все скажут, что Август Пипке — честный немец, который никогда не посягал на чужую собственность, никогда не обманывал покупателей, продавал только первосортный товар...
 — Значит, никого вы не грабили, Август Пипке?
 — Этот вопрос даже оскорбителен для моей немецкой чести. Нет, я невиновен!
 — Так. Получали ли вы посылки с фронта от вашего племянника Эрнста Циглера?
 — Посылки? Да, получал.
 — Сколько, когда, какие?
 — Позвольте... Две. Одну из Польши в 1940 году. Одну с Украины в 1941 году.
 — А не получили ли вы ещё одну посылку в 1942 году из Крыма и ещё одну — из Ростова?
 — Кажется... Да, припоминаю. Получил.
 — Что же было в этих посылках с фронта?
 — Не помню. Разные вещи. Сало. Мануфактура.
 — Может быть, обувь?
 — Да, и обувь.
 — Может быть, женские чулки?
 — Да, и чулки.
 — Значит, ваш племянник грабил и посылал вам награбленное?
 — Он не грабил.
 — А как же он добывал все эти вещи?
 — Не знаю. Он писал, что организовал.
 — Организовал чужую собственность? А при этом, может быть, убивал мирных собственников этих вещей?
 — Мне это неизвестно, господин судья.
 — Вы этим, как честный немец, не интересовались? Почему вы не отвечаете на вопрос?
 — Я думал, что на войне это позволено.
 — Кому позволено?
 — Немцам. Но я сам не принимал в этом участия. Я ни у кого ничего не отнимал. Я тихий человек.
 — Как тихий человек и честный немец, вы вернули посылки Эрнсту и написали ему, что не хотите пользоваться награбленными вещами со следами крови?
 — Следов не было.
 — Следы есть. Благодарили вы за посылки, просили ещё посылать?
 — Д-д-д-а...
 — Значит, вы подстрекали Эрнста к грабежам и убийствам?
 — Я не хотел этого, господин судья. Я не думал, что так выйдет. Я думал...
 — Что вы думали?
 — Я думал, что за это не будут судить.
 — Нет, будут! И наказание понесёте за участие в грабеже, господин честный, мирный немец.
 Суд удаляется на совещание.

Д. ЗАСЛАВСКИЙ

Новогодние Телеграммы

ПРИЕМ	ТЕЛЕГРАФ	ПЕРЕДАЧА
14-56	2	ч. 16 м. 25
АДОЛЬФУ ГИТЛЕРУ		
ЗАКОНЧИВ 1942 ОПЕРАЦИОННЫЙ ГОД СО ЗНАЧИТЕЛЬНОЙ ПРИБЫЛЬЮ,		
РАССЧИТЫВАЕМ, ЧТО И В 1943 ГОДУ ВАШИМИ НЕУСЫПНЫМИ ЗАБОТАМИ		
НАША ФИРМА ДОБЬЕТСЯ ДАЛЬНЕЙШЕГО ПРОЦВЕТАНИЯ.		
В ОЖИДАНИИ ВАШИХ ПОЧТЕННЫХ ЗАКАЗОВ		
ВСЕГЕРМАНСКОЕ ПОХОРОННОЕ БЮРО „АРИЙСКИЙ ПОКОЙНИК“		

МОЛНИЯ

ПРИЕМ	Телеграф	ПЕРЕДАЧА
ОБЕР ЕФРЕЙТОРУ ФРИЦУ ГРОББЕ	2	ч. 72 м. 42
БЕРЕГИ СЕБЯ. ПОМНИ РУССКУЮ ПОСЛОВИЦУ: „ОВЖЕГШИСЬ НА СТАЛИНГРАДЕ — ДУИ НА ЗАПАД!“		
ЭЛЬЗА ГРОББЕ		

ПРИЕМ	ТЕЛЕГРАФ	ПЕРЕДАЧА
ГЕНЕРАЛУ РОММЕЛУ	2	ч. 13 м. 21
АФРИКА ПУТИ СЛЕДОВАНИЯ		
ТЫ ПОСТОЙ, ПОСТОЙ, КРАСАВИЦА МОЯ!		
ДАЙ МНЕ НАГЛЯДЕТЬСЯ, РАДОСТЬ, НА ТЕБЯ!		
КОМАНДУЮЩИЙ 8 АНГЛИЙСКОЙ АРМИЕЙ МОНТГОМЕРИ		

ПРИЕМ	Телеграф	ПЕРЕДАЧА
РАЙОН СТАЛИНГРАДА	2	ч. 14 м. 28
ЭКИПАЖУ ТРАНСПОРТНОГО САМОЛЕТА „Ю-52“		
ПАДАЯ БРЮХОМ НЕ ПАДАЙТЕ ДУХОМ!		
ГЕРИНГ.		

ПРИЕМ	Телеграф	ПЕРЕДАЧА
МЭРУ ГОРОДА ТУРИНА	2	ч. 21 м. 12
ЖДИ МЕНЯ! И Я ВЕРНУСЬ!		
ТОЛЬКО ОЧЕНЬ ЖДИ!		
КОМАНДИР ЭСКАДРИИ ТЯЖЕЛЫХ БОМБАДИРОВЩИКОВ		
„ЛЕТАЮЩАЯ КРЕПОСТЬ“		

ПРИЕМ	ТЕЛЕГРАФ	ПЕРЕДАЧА
РЕДАКЦИИ „ДЖОРНАЛЕ Д'ИТАЛИЯ“	2	ч. 21 м. 12
ВЧЕРА ПО СЛУЧАЮ НОВОГО ГОДА НАШИ ДОБЛЕСТНЫЕ		
ИТАЛЬЯНСКИЕ СОЛДАТЫ НА ДРУЖЕСКОМ БАНКЕТЕ В РЕСТОРАНЕ		
„СИЦИЛИЯ“ ЧОКНУЛИСЬ С ДОРОГИМИ СОЮЗНИКАМИ — НЕМЦАМИ.		
УБИТО 17, РАНЕНО 42. ВСТРЕЧА НОВОГО ГОДА ПРОДОЛЖАЕТСЯ		
ВАШ КОРРЕСПОНДЕНТ КИАНТИ		

ПРИЕМ	ТЕЛЕГРАФ	ПЕРЕДАЧА
ЛАВАДИО	2	ч. 20
ПОЗДРАВЛЯЮ ГОЛОВОКРУЖИТЕЛЬНОЙ КАРЬЕРОЙ, КОЛЛЕГА.		
Я ОБСЛУЖИВАЮ НЕМЕЦКИХ ОФИЦЕРОВ, А ВЫ — САМОГО		
ФЮРЕРА.		
ЭММА ШУЛЬЦ		
ПУБЛИЧНЫЙ ДОМ № 38		

ПРИЕМ	ТЕЛЕГРАФ	ПЕРЕДАЧА
НЕМЕЦКОМУ КОМЕНДАНТУ	2	ч. 23 м. 20
С НОВЫМ ГОДОМ! БЬЕМ ВАШЕ ЗДОРОВЬЕ!		
КОМАНДИР ПАРТИЗАНСКОГО ОТРЯДА К		

исот/ноя

Дефективные

Румынский Новый год
Наступать не в силах

Венгерский Новый год
По привычке наступает под дулом немецкого пулемёта

На пороге нового, 1943 года ваш корреспондент посетил ряд лиц, с которыми имел короткие беседы о их планах и намерениях в ближайшее время.

ЕФРЕЙТОР ГИТЛЕР

ЕФРЕЙТОР лежал на полу. У него только что закончилась очередная истерика.
— Можете не вставать, — сказал я ему. — На мой вопрос даже лучше отвечать лёжа. Как вам правится Волга, русская река?
Он стукнулся головой об пол и завопил:
— Воды! Воды!..
В комнату вбежал дежурный врач.
— Опять! — сказал он. — Дорого обходится нам Волга. При упоминании о ней ему всегда хочется много воды. Он уже выпил целую реку. Очень прошу вас в дальнейшем в беседе с фюрером не касаться водных рубежей. И вообще избегайте слов начинающихся на какую-нибудь букву алфавита: например Афри-

ка, блиц, Владикавказ, Грозный, Дон... — и так далее.

— О чём же мне с ним говорить? О погоде, что ли?

— Ради бога! Не смейте упоминать о погоде. Это, же намёк на русскую зиму.

— О чём же тогда говорить?

— Лучше ни о чём, идите к новому начальнику штаба.

ГЕНЕРАЛ ЦЕЙТЛЕР

ПРИОТКРЫВ дверь кабинета нового начальника гитлеровского штаба, я увидел странную картину. Почтенный генерал, прыгая на одной ноге, распевал песенку:

«Жил-был у Гитлера серёнький козлик,
Вот как, вот как, серёнький козлик!
Стал этот козлик козлом отпущенья,
Вот как, вот как, козлом отпущенья!
Остались от козлика рожки да ножки,
Вот как, вот как...»

ЗАХВАТ
СТАЛИНГРА
ДА

Немецкий Новый год
По примеру прошлых сезонов усиленно пускает мыльные пузыри

Новогодние

Новогодние подарки отправляются на фронт, шлют узбечки, шлют татарки, собирают книги в фонд, и работницы с «Трёхгорки» шьют кисеты для махорки, выбирают цвет полушье, подобротней матерьял, чтобы тот, кто их получит, не забыл, не потерял. Вяжут вещи шерстяные, посылают в блиндажи очень нужные — стальные — перочинные ножи. Кисть, да зеркальце, да бритву шлёт украинка бойцу: ведь бойцам, идущим в битву, очень молодость к лицу. Шлют и валтовую одежду, и привет в письме своём,

и душевную надежду, что до встречи доживём

Выше счёт подарков про...
Что ж товарищам на фронт шлёт саратовский колхоз Головатый Феропонт? Не кладёт он деньги в а сдаёт сто тысяч. Байку и на фронт от сердца истребитель-самолёт! Чтобы вновь была счастлива наша славная земля! И к нему летит спасибо от бойцов и из Кремля. Замечательные танки, оснащённые в бою, шлют крестьяне и крест на деньжата на свои. Это — прозняя обнова нашей силы боевой,

Короткие

— Что происходит с генералом Цейтлером? — спросил я его адъютанта.

Тот разъяснил мне:

— Фюрер назначил генерала на высокий пост козла отпущения, то есть начальником штаба. Осчастливленный этой милостью, генерал Цейтлер никак не может придти в себя. А песенку эту он нашёл в бумагах своего предшественника — генерала Гальдера.

Не желая мешать Цейтлеру при исполнении им своих новых обязанностей, я удалился.

ФРАУ МЮЛЛЕР

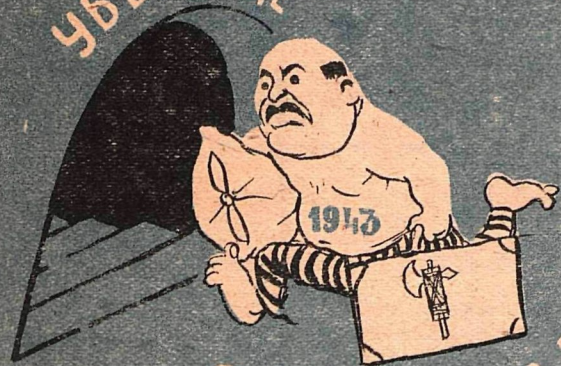
КО МНЕ вышла сильно осунувшаяся женщина в траурном платье. Мне показалось, что она ещё очень молода, но, видно, горе сильно состарило её.

— Простите, фрау, — сказал я, вежливо улыбаясь, — сколько вам лет? Я бы вам дал... Она громко зарыдала.

— Пять! Пять лет! Умоляю вас, дайте мне

Младенцы

УБЕЖИЩЕ

Итальянский Новый год
Музыкальное ухо итальянского Нового года
не выносит тревожных звуков

подарки

Финский Новый год

Ввиду того что всё мужское население Финляндии отправлено на фронт, в роли Нового года выступает особа женского пола

дело Тулы и Тамбова и Сибири снеговой! Это — сталь колхозных вароч цепь длинною в горизонт, от души большой подарок принимай, товарищ Фронт!

Что же Фронт подарит Тылу? Наступательную силу, сотни гор и сотни рек милой родине навек! Фронт подарит жизнь миллионам в наступающем году — оккупантам пленённым людям стонущим в аду! Знаем, верим: Фронт ударит насмерть чёрную орду, светлый праздник Фронт подарит в наступающем году, в наступательном году!

С. КИРСАНОВ

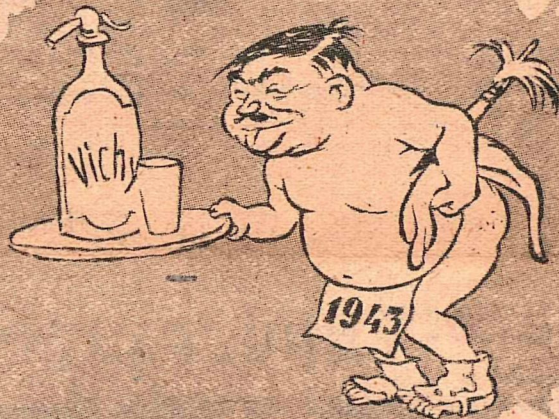

Рис. И. Семёнова

Новый год правительства Виши
Наступает преимущественно в передних Берлина

БЕСЕДЫ

не больше пяти лет!..

— Я ничего не понимаю, фрау Мюллер.

— Вы пришли за мной? Вы из гестапо? Я знаю, мне предъявлено обвинение в пессимизме. Мою соседку осудили за это самое на десять лет. Но я слабого здоровья. Не будьте так жестоки. Дайте мне лишь пять лет...

БЕНИТО МУССОЛИНИ

Я С ТРУДОМ отыскал его в полутёмном бомбоубежище.

— Ваши ближайшие планы, дуче? — спросил я его по-итальянски.

Он посмотрел на меня подозрительно и ответил по-немецки:

— Я понимаю. Вы подсланы ко мне моим другом Адольфом. Он сейчас очень интересуется моими планами. Ничего, ничего, я не обижаясь. Что я решил предпринять? Я ре-

шил обмануть англичан и американцев. Они меня уже почти выгнали из Северной Африки. Они думают, что меня, потомка Юлия Цезаря, можно оставить без пустыни. Я был владыкой пустыни и останусь им! Я добьюсь того, что у меня в Италии будет пустыня. Вместо Турина, Генуи, Неаполя — сплошные пески. Эль-Турин, Мерса-Генуя, Сиди-Неаполь! Вот какой я хитрый... Что? Что такое? Опять сирена? Вы спрашиваете, где мои зенитки? Юлий Цезарь тоже обходился без зениток, а между прочим, попал в историю...

ПЬЕР ЛАВАЛЬ

ОН СИДЕЛ за конторкой и щёлкал на счётах. Увидав меня, деловито спросил:

- Сколько?
- Что сколько?
- Сколько даёте?
- За что?

— Это потом выяснится. Сначала я должен знать, сколько даёте и в какой валюте? А продать могу, что хотите и кого хотите. Цены общедоступные.

— Но я ничего и никого не покупаю.

— Зачем же вы пришли ко мне? — спросил он обиженно. — Этакое нахальство!

И Лаваль опять защёлкал на счётах.

РУССКИЙ БОЕЦ ФЕДОР ЕРМОЛАЕВ

Я РЕШИЛ вернуться домой. Ну её к дьяволу, всю эту фашистскую шатию!

В только что освобождённом от немцев населённом пункте я встретил бойца Фёдора Ермолаева.

— С Новым годом, товарищ Ермолаев! — сказал я.

Боец весело ответил:

— С наступающим!

Г. РЫКЛИН

С Новым годом!

Горе старого ворона

ДВА ворона сидели на шпилье Исторического музея. Была ночь. С высоты шпиля им открывалась затемнённая Москва.

Часы на кремлёвской башне били две четверти.

— Через каких-нибудь полчаса кончается старый год, — меланхолически каркнул первый ворон.

— Не спорю, — ответил второй ворон, вернее ворона, так как это была подруга старого ворона.

— Вот уже в сто пятьдесят второй раз я встречаю новый год. Юным, двадцатилетним младенцем я впервые услышал слова «новый год». Именно в этот день я познакомился с тобой. Потом прошло четверть века, мы поженились. А сегодня я закончил мои мемуары «Полтора века в дупле», то есть, собственно говоря, третью часть мемуаров. Первая часть называется «О том, как погиб мой отец...»

— Кстати, я очень беспокоюсь за нашего сына, — сказала супруга ворона. — Этот шестидесятилетний юноша слишком доверчив, и к тому же он непоседа. Например я не понимаю, как ты мог ему разрешить лететь куда-то на Волгу.

— У него характер деда, — хрипел старый ворон. — Его дед, мой отец, был жаден до жизни и любил путешествия. И это погубило его.

— Кого ты ждёшь, мой друг? — спросила супруга ворона. — Я спрашиваю, кого ты пригласил к нам в эту новогоднюю ночь?

— Слетятся несколько старых друзей, — задумчиво ответил ворон. — Они выразили жела-

ние послушать мои мемуары... Это будет Новый год вскладчину. Каждый принесёт что-нибудь из пищи. Год назад мой дядя приволок недурное филе немецкого солдата, хотя лично я не люблю мороженое мясо... Слышишь шум крыльев?.. Кажется, кто-то спешит к нам.

С этими словами старый ворон и его супруга взлетели со шпиля Исторического музея и опустились на одно дерево в саду. Там они уже застали небольшое избранное общество.

— Уважаемые друзья, — начал ворон-мемуарист, — я всё-таки опорочен тем обстоятельством, что мой наследник не будет присутствовать на встрече Нового года... Но юность — всегда юность. Кто из нас, воронов, в шестьдесят лет не любил путешествовать, тем более повидать город на Волге, о котором сейчас кричит весь мир? Думаю, что наш мальчик прибудет сюда хотя бы к концу нашего ужина. А пока, друзья мои, я попрошу вас набраться терпения и выслушать первую главу моих мемуаров. Она называется «Как погиб мой отец...»

И, перекинув клювом объёмистую рукопись, ворон начал:

— «Был 1812 год... Москва притихла в ожидании французов, и будто это было вблизи Воробьёвых гряд, Матушка моя, пожилая и жилистая мудрая ворона, сказала отцу: «Друг мой, как тебе угодно, но я забираю с собой нашего первенца (то есть меня) и улетаю». Отец повертел клювом, и по всему видно было, что любознательность, интерес к событиям победили в нём осторожность. В ту же ночь мы вылетели с мамашей на восток; па-

паша остался в Москве. И тут мы потеряли связь с моим папашей... Не прошло и трёх месяцев, как страшную весть принесла нам на хвосте сорока — моя тётушка. Ужас леденит мои жилы при мысли о том, что мой отец, бывалый и многоопытный старый ворон, попал в суп к французам. Бедный отец!..»

Но вдруг странное хлопанье крыльев нарушило тишину. Старый ворон прислушался и взгляделся во мрак ночи. Какая-то неизвестная птица направлялась прямо к старому ворону. Это был запыхавшийся ют полёта воронёнок.

— Простите, — сказал он нервно, — но у меня экстренное известие. Дело в том...

— Молодой человек, — вскричала воронья супруга, — не томите! Что случилось?

— Дело в том, что ваш сын...

— Боже!.. — воскликнул старый ворон.

— ...ваш сын погиб. Он погиб при леденящих душу обстоятельствах. Мы оба летели над месностью, где находились окружённые немцы. Его подстрелили, и он упал прямо в котёл с супом. Я сам слышал радостный вопль и чавканье вороноедов.

Наступило тяжкое молчание. Все взоры обратились к несчастному отцу.

— Горе! — произнёс он раздирающим душу голосом. — Великое горе... Внук погиб смертью деда.

Вороны разлетелись. Они оставили старого ворона в одиночестве. Оставшись наедине с собой, он снова взялся за мемуары. Следующая глава называлась: «История повторяется».

Л. НИКУЛИН.

Декабрь 1942 года

Танки!.. Белые халаты...
Полк проходит по деревне.
И, в слезах, у русской хаты
Дед приветствует их древний.

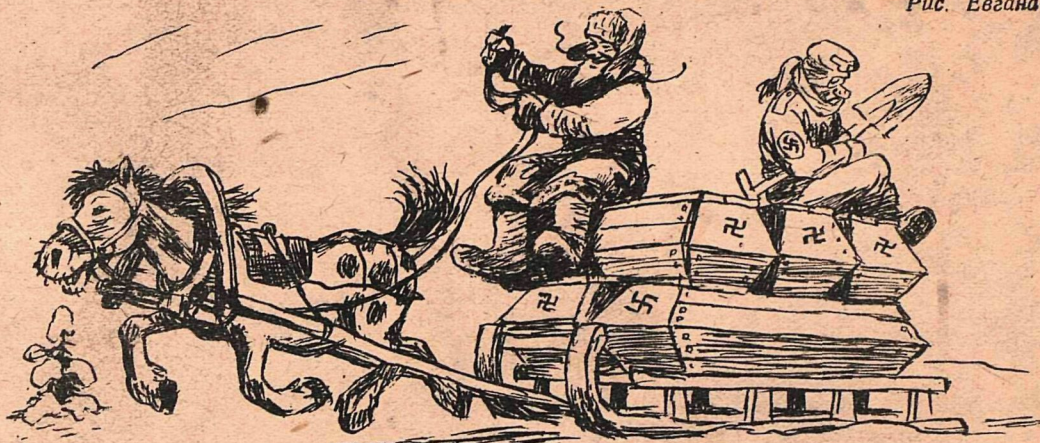
Солнце лица озаряет.
Белый снег вскипает следом,
И танкисты козыряют
Солнцу русскому и деду.

Дед-то, видно, не начитан,
И, в слезах над клюшкой свесясь,
«С Новым годом!» — дед кричит им.
А до нового-то... месяц.

ИОСИФ УТКИН

В ОКУПИРОВАННОМ СЕЛЕ

Рис. Евгана

Зима... Крестьянин, торжествуя,
На дровнях обновляет путь...

Основа основ

ВОЛОДЬКУ я знал ещё московским школьником. Всегда он куда-то спешил и занят был по горло. Можно было подумать, что этот тринадцатилетний молодой человек управляет крупным трестом.

Постоянно он чем-нибудь увлекался — то шахматами, то Арктикой, то Эпроном, то стихами Маяковского.

Увлекался Володька очень активно, бурно и беспокойно для окружающих.

Если он был увлечён, например, шахматами, — ему хотелось, чтобы не только он сам, но и все его близкие, начиная с отца — солидного московского профессора — и кончая домашней работницей Авдотьей, немедленно сели за шахматные доски.

Если он увлекался Арктикой, — ему хотелось, чтобы все, включая ту же Авдотью, сели на ледокол и поехали штурмовать торосы.

— Если ты старуха, — кричал, бывало, Володька на Авдотью, — это ещё не значит, что ты имеешь право недооценивать шахматы!

Через неделю он атаковал Авдотью уже совсем с других позиций.

— Если ты домашняя работница, — кричал Володька, — это ещё не значит, что ты имеешь право недооценивать Арктику! В конце концов ты можешь поехать со мной на ледоколе поваром или судомойкой.

Самым сильным и длительным володькиным увлечением были лыжи. Где-то он вычитал фразу, что лыжи — это «основа основ зимнего спорта», и горячо взялся за дело.

После того как отец и мать Володьки, проявив явную недооценку «основы основ зимнего спорта», категорически отказались стать лыжниками-чемпионами, а Авдотья заявила, что «в череду она и так может постоять — без лыж», — Володька всей своей ударной силой обрушился на меня.

Мы совершали с Володькой прелестные лыжные прогулки по замёрзшей Москве-реке, по Воробьёвым горам, по далёким аллеям Сокольнического парка.

Потом родители его переехали жить в другой район города и я потерял Володьку из виду. Пришёл он ко мне уже в начале войны — в командирской шинели, подтянутый, стройный и с маленькими усиками над верхней губой. Я не сразу узнал в этом роскошном младшем лейтенанте моего маленького спутника по лыжным прогулкам.

Мы обнялись, посмеялись, вспоминая володькины детские увлечения, и Володька уехал воевать.

Наднях я получил от него письмо:
«Здравствуйте, дорогой друг!
Поздравляю Вас с наступающим Новым, 1943 годом! Надеюсь, что он будет годом

нашей окончательной победы. Я всё там же. И увлекаюсь тем же — битьём фрицев.

Помните, мы смеялись, вспоминая мои детские увлечения? Но, знаете, одно моё увлечение крепко пригложилось мне здесь, на фронте. Я и сейчас, как шесть лет назад, могу повторить, что лыжи — это действительно «основа основ»!

Недавно мне пришлось забраться глубоко в тыл противника. Нас было трое разведчиков-лыжников.

Нам нужно было во что бы то ни стало достать «языка», но фрицы в этот день были дьявольски осторожны и не вылезали из своих нор. Мы уже хотели возвращаться не солоно хлебавши, как вдруг наткнулись в лесу на троих немецких лыжников. Двоих мои орлы уложили на месте, а третий бросился наутёк.

Мы — за ним. Я ребят обогнал и мчусь за немцем один. Местность пересечённая: овраги, пригорки, холмы, кустарник. Это вам не аллея в Сокольниках! А главное, я вижу, что мой немец — лыжник первоклассный! Бежит легко, под горку катится — любо-дорого смотреть, и дистанция между нами никак не

сокращается. Вот-вот уйдёт!.. Обидно мне стало — я нажал. Немец тоже нажал. Мелькнула мысль: остановиться и закончить это состязание очередью из моего верного автомата. Но обидно стало: надо догнать и взять обязательно живым. Я ещё нажал. Он — тоже. Дистанция не сокращается!

А немец неожиданно на полном ходу, катясь под горку, тормозит, делает классический правый поворот и бежит вдоль линии междокустарника. А я мчусь прямо и вдруг вижу перед собой крутой обрыв. Хочу затормозить и повторить приём немца — не успеваю!..

Меня немножко оглушило падение. Когда я пришёл в себя, я увидел, что немец, обогнув обрыв, неспеша приближается к месту моего падения. Он хотел, повидимому, узнать, что от меня осталось и может ли это оставшееся на что-нибудь ему пригодиться. Я залёг в кустарник и, когда он приблизился, вскочил, направил на него автомат и предложил ему сдаться.

Потом, когда подросли мои ребята и мы уже вчетвером — пробирались лесом к себе, немец вдруг обратился ко мне и сказал по-немецки:

— Я один из лучших в Германии прыгунов на лыжах. Я проходил специальную тренировку в Швейцарских Альпах. Вы должны были сломать себе шею хотя бы потому, что этот прыжок был для вас неожиданным. Вы чемпион?

— Нет!
— Но вы где-нибудь тренировались?
— Мальчиком был — тренировался, — ответил я, — на Воробьёвых Альпах. Ныне — Ленинские.

— Под Москвой нет никаких Альп!.. Под Москвой — равнина. И вообще всё это не по правилам. Вы должны были разбиться. Я рассчитал правильно.

— Гитлер тоже всё рассчитывал правильно, — ответил я, — и, тем не менее, на гладком месте, на подмосковной равнине, в прошлом году сломал себе шею.

Немец замолчал и больше в разговоры со мной не пускался.

Вот какие дела бывают на фронте. Интересно, тренируются ли сейчас ребята на Ленинских горах и в Сокольниках? Вы бы написали в газете или в журнале о моём случае. Ей богу, лыжи — это «основа основ», и с недооценкой лыжного спорта нужно бороться всерьёз!..»

В этом абзаце я узнал прежнего Володьку. Охотно выполняю я желание моего молодого друга и вот во всеуслышание тоже заявляю:
— Лыжи — это «основа основ».

ЛЕОНИД ЛЕНЧ

Новогодняя встреча.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. „Правды“, 24; тел. Д 3-32-50, Д 3-33-47. Прием ежедн. с 1 до 5 час. Подписная цена на журнал — 1 р. 60 к. в месяц.

Изд.-во ЦК ВКП(б) „Правда“.

Рукописи не возвращаются

Москва, Изд. № 1087

Подп. к печати 24/ХII 1942 г.

Статформат 72×105 см.

Печ. л. 1. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000

А 62146

Типография газ. „Правда“ имени Сталина. Москва, ул. „Правды“, 24.

Зак. 3609.

Тираж 135 000 экз.

Период
в серии

„Лет
оценаний“

„Журн
лет“

Получ.
в ред.

8/1432

4

ОБЯЗАТ. ЭКЗЕМПЛЯРЫ ВО ГОДНИИ ТОСТ

8 743 1703

924

Рис. Л. Бродяги

— За здоровье знатных девушек — Домны Магнитогорской и Катюши Энской!